

ве. Действие «Человека-амфибии», как и мн. др. произведений фантаста, происходит в далекой экзотической стране.

Во второй половине 1920-х Б. публикуется достаточно регулярно. Он создает цикл рассказов о профессоре Вагнере — человеке, который умеет делать несколько дел одновременно, не спит, проходит сквозь стены: «**Человек, который не спит**», «**Гость из книжного шкафа**» (оба — 1926), «**Творимые легенды и апокрифы**», «**Ковер-самолет**», «**Чертова Мельница**» (все — 1929), «**Амба**», «**Хойти Тойти**» (оба — 1930). Рассказы написаны с юмором, динамичны, фантастические образы в них порою предельно близки реальности, порой граничат со сказкой.

В дек. 1928 Б. с семьей переезжает в Ленинград и очень скоро — в Киев.

К этому периоду относится его работа над романами «**Продавец воздуха**» и «**Властелин мира**» (оба — 1929), главной темой которых оказывается проблема власти над миром; а также над романом «**Человек, потерявший лицо**» — об уродце-комике, поменявшем свою популярность и славу на жизнь человека обыкновенной внешности. Тогда же Б. пишет совершенно противоположное по тематике «производственное» науч.-фантастическое произведение — «**Подводные земледельцы**» (1930).

Результатом интереса Б. к работам К. Э. Циолковского становится ряд произведений о космосе: «**Звезда КЭЦ**» (1936), «**Лаборатория Дубльвэ**» (1938).

В 1938 Б. окончательно поселяется в Пушкине под Ленинградом. В последние годы своей жизни писатель много внимания уделяет работе с детьми. Умер от голода в оккупированном фашистами Пушкине.

Соч.: СС: в 8 т. М., 1964; СС: в 5 т. Л., 1983.

Лит.: Орлов О. А. Р. Беляев: Биографический очерк // Беляев А. Р. СС: в 8 т. Т. 8. М., 1964; Ляпунов Б. В. Александр Беляев: Критико-биографический очерк. М., 1967; Никитина Н. Александр Романович Беляев: биобибл. указатель // Поиск-87: Приключения. Фантастика. Пермь, 1987; Капица П. Фантаст Александр Беляев // Звезда. Л., 1988. № 1; Беляева С. Воспоминания об отце // Беляев А. Последний человек из Атлантиды. Л., 1986; Азаров В. Ветры нашей молодости: Повести. Очерки. Воспоминания. Л., 1987; Балабуха А., Бритиков А. Три жизни Александра Беляева: Критико-биографический очерк // Беляев А. СС: в 4 т. Воронеж, 1992; Харитонов Е. В. Мой Беляев // Библиография. М., 1997. № 2; Беляева С. Мой отец фантаст Беляев // Нева. 1998. № 3; Харитонов Е. Неизвестный Беляев // Дет. лит.-ра. 2000. № 1; Соколова М. Он обгонял время и вал вперед // Беляев А. Избранные соч.: в 2 т. М., 2001. Т. 1.

В. Ю. Вьюгин

Н. Н. Берберова

БЕРБЕРОВА Нина Николаевна [26.7(8.8). 1901, Петербург — 26.9.1993, Филадельфия] — поэт, прозаик.

Б. родилась в семье работника Министерства финансов. Мать — из тверских помещиков. Б. окончила Археологический ин-т и ист.-филол. ф-т Донского ун-та в Ростове-на-Дону, где училась в 1919–20. В 1921 Б. в Петрограде начала писать стихи, из которых лишь одно было опубликовано в сб. «Ушкуйники» (1922); некоторые из ранних стих.— «**Тазы, кувшины расписные...**», «**Честно, весело и пьяно...**», «**За эту ночь безветренную...**» (1921), «**Пятое января**» (1922) — будут опубликованы в середине 1980-х. Благодаря своим первым стихам Б. вошла в поэтические круги Петрограда, где познакомилась со многими поэтами, в т. ч. и с В. Ходасевичем, стала его женой и вместе с ним в 1922 выехала за границу. Прежде чем надолго поселиться в Париже, Б. с Ходасевичем жили у М. Горького в Берлине и Италии, потом переехали в Прагу. Б. в 1920-е продолжала писать стихи, 4 ее стих. вошли в первую антологию эмигрантской поэзии «Якорь» (1936). Б. выступила переводчиком книги Р. Роллана «Махатма Ганди» (1924), а также автором пьесы «**Мадам**» (поставлена в Русском театре в Париже в 1936).

Однако основным занятием Б. стала публицистика. В Берлине она сотрудничала в газ. «Дни», а в конце 1920-х, когда Б. с Ходасевичем обосновались в Париже, она на

15 лет стала сотрудником газ. «Последние новости». В 1926–27 Б. вместе с поэтами Д. Кнудом и Ю. Терапиано выпускала ж. «Новый дом», но после третьего номера изд. по финансовым причинам было прекращено. Помимо работы в «Последних новостях» Б. писала ежедневные обзоры советской лит-ры для конкурирующей газ. «Возрождение» под псевдонимом Гулливер, который, по общему мнению, принадлежал В. Ходасевичу. В одном из этих обзоров Б. первая в эмигрантской прессе заметила и высоко оценила только что вышедший роман Ю. Олеши «Зависть» (1927).

С середины 1920-х Б. начала писать прозу. Первые ее рассказы появились еще в «Днях» и в «Новом доме», но настоящий успех принес Б. цикл **«Биянкурские праздники»**, печатавшийся в «Последних новостях» на протяжении нескольких лет. Это была лирико-юмористическая, иронико-символическая серия рассказов о жизни русских эмигрантов в Биянкуре — нищих, пьяниц, рабочих завода Рено, уличных певцов, деклассированных чудаков. Здесь чувствовалось влияние М. Зощенко и раннего А. Чехова, но много было и своего.

Первый роман Б. **«Последние и первые»** (1930) также был посвящен жизни русских эмигрантов, работавших на парижских предприятиях и стремящихся переселиться на юг Франции. Как и «Биянкурские праздники», это была редкая, почти единственная попытка художественно изобразить временный быт русских за границей. Роман был оценен положительно критиками (В. Вейдле и др.). До Б. практически никто беллетристически не описывал жизнь и быт, мечты и чаяния рядовых русских эмигрантов.

Второй роман Б. **«Повелительница»** (1932) повествовал о любви, о подробностях быта третьего поколения эмигрантской молодежи. «Хочется отметить очень характерную для Берберовой ее верность человеку нашего времени, — сказал о „Повелительнице“ Ю. Терапиано. — Это всегда, даже в более слабых вещах ее, нас задевает — столкновение победителей и побежденных жизнью, внутренняя красота будничного русского подвига, русской женщины особенно» (Числа. 1933. № 7–8. С. 269).

Третий роман Б. **«Без заката»** (1938) публиковался в журнальном варианте под названием **«Книга о счастье»** (Совр. записки. 1936. № 61) и был встречен более сдержанно. Роман этот был излишне дидактичен: он ставился перед героями и читателями вопрос о том, как и чем жить русской женщине-эми-

грантке, и однозначно отвечал, что счастье может дать только взаимная любовь. Повествование представляло собою ряд отд. рассказов, искусственно связанных между собой. И все же критика отмечала: «Рассказы эти нередко — занимательны, остры, поучительны, порой пленяют неженской зоркостью к вещам и людям. В книге много ярких страниц, прекрасных лирических строк, глубоких и значительных (хоть и спорных, разумеется) мыслей» (Русские записки. 1938. № 10. С. 198–199).

Б. обладала достаточной долей самокритичности, чтобы понять свое предназначение в лит-ре. «Уже в середине тридцатых годов, — вспоминала она, — я начала понимать, что самая подходящая для меня форма есть повесть (длинный рассказ)» (Курсив мой. С. 403). Ее блестящие рассказы (или маленькие повести), печатавшиеся в 1930-е в «Совр. записках» и собранные после войны в отд. книгу, получили высокую оценку и выдержали испытание временем. Но особый успех в предвоенные годы принесли Б. два ее биографических произведения о великих русских композиторах.

В начале 1930-х была опубликована переписка Чайковского с фон Мекк, настолько заинтересовавшая Б., что она решила написать о композиторе книгу. Б. побывала тогда у Рахманинова, у Глазунова, встречалась со многими еще жившими людьми, знавшими Чайковского. В освоении биографического жанра Б., безусловно, помог ее давний опыт перевода Р. Роллана и наблюдения за работой Ходасевича (с ним она разошлась в 1932, но осталась в дружеских и творческих отношениях) над книгой о Г. Р. Державине. Роман Б. **«Чайковский»** был не только хорошо принят критикой, но и признан новым словом в избранном Б. жанре. Почти сразу же по выходе «Чайковский» был переведен на несколько яз.

Вслед за «Чайковским» вышла еще одна биография русского композитора — **«Бородин»** (в отрывках — 1937; отд. изд. — 1938). Хотя эта книга была значительно меньше «Чайковского», нечто вроде брошюры (скорее род «новеллы» на тему жизни композитора) (Совр. записки. 1938. № 67. С. 454), она тем не менее также была высоко оценена в печати (В. Ходасевич, С. Савельев и др.).

Накануне Второй мировой войны Ходасевич умер. Б. посвятила ему некролог в «Совр. записках» (1939. № 69). В том же номере ж. была опубликована и ее повесть **«Облегчение участи»**. Во время войны Б. жила в оккупированной Франции. Она вновь вернулась к поэзии, но теперь это уже были не те

«блоко-ахматовские» стихи, с которых Б. начинала. Все чаще и больше в ее произведениях звучал белый стих и свободные размеры. Б.-поэтесса из «традиционалиста» превратилась в поэзию в авангардиста. В 1948 в Париже на французском яз. вышла книга Б. **«Блок и его время»**, а в 1949 она выпустила собранные свои предвоенные повести, озаглавив сб. **«Облегчение участи»**. В книге шесть повестей. В **«Аккомпаниаторше»** рассказывается о молодой женщине, обремененной судьбой сначала дома, в России, а затем и в эмиграции. Она, дочь учительницы музыки, вынуждена была покинуть родной город, где у нее было много учеников, где ее как будто бы любили и ценили, но где все отвернулись от нее после рождения «незаконного» ребенка. Героиня уехала за границу в качестве аккомпаниаторши знаменитой певицы, но и там не стала прежней независимой и уважаемой личностью, прожив всю жизнь в тени знаменитости и не испытывая ничего, кроме моральных страданий. В повести **«Облегчение участи»** описана драма уже немолодой застенчивой женщины, полюбившей законченного пошляка и ничего, кроме страданий, от этого не получившей. Рядом с этими достаточно остро сюжетными произведениями стоит повесть **«Роканваль»**, в которой почти ничего не происходит и основными героями являются старинный французский замок и парк. А вслед за ней идут повести **«Лакей и девка»**, которую В. Ходасевич еще в 1938 выдвинул как пример произведения, где «за кажущейся беспощадностью изображения чувствуется большая, настоящая боль за людей» (Возрождение. 1938. 25 февр.), **«Воскрешение Моцарта»** и **«Плач»**. Выходящий в Нью-Йорке «Новый ж.» написал по поводу этого сб.: «Выход новой книги рассказов Н. Берберовой является событием в зарубежной русской литературе» (1950. № 23. С. 300). В том же 1949 вышла еще одна книга Б.— **«Процесс Кравченко»** — собрание ее репортажей из зала суда, на котором советский невооруженный Кравченко, автор книги «Я выбираю свободу», обвиненный французской коммунистической прессой в клевете, судился с ней, защищая свою честь и достоинство.

В 1950 Б. переселилась в США. Там она преподавала в различных ун-тах, входила (1958–68) в редакции альм. «Мосты», выступала как критик и продолжала писать стихи и прозу. В 1951 «Новый ж.» (№ 24–26) опубликовал роман Б. **«Мыс бурь»**, затем вышли **«Большой город»** (1953), **«Мыслящий тростник»** (1958) и **«Памяти**

Шлимана» (1958) — фантастический роман, действие которого перенесено в 1984, когда люди попали в зависимость от машин, задыхаются от последствий цивилизации и перенаселения. В 1959 вышла книга Б. **«Черная болезнь»**, а в 1961 в Мюнхене — прокомментированное Б. собрание стих. В. Ходасевича.

В 1969 в переводе на английский яз. впервые вышла главная книга Б. **«Курсив мой»**. Она была написана под влиянием воспоминаний И. Эренбурга, с которым Б. была лично знакома еще по Берлину 1920-х и к мнению которого всегда была внимательна, а его мемуары «Люди, годы, жизнь» Б. считала «одной из выдающихся книг нашего столетия» (Курсив мой. С. 710). «Курсив мой» — книга, основными героями которой являются одновременно и сама Б., и люди, которых она знала, и XX в., и философские раздумья. В 1972 «Курсив мой» вышел на русском яз., а затем переиздавался с изменениями и дополнениями, сделанными автором.

В 1981 вышла сенсационная книга Б. **«Железная женщина»**, роман о выдающейся женщине-авантюристке Марии Закревской-Бенкендорф-Будберг. Успех книги был ошеломляющий, вызвал огромное количество откликов. Критика немедленно признала «Железную женщину» лучшей книгой писательницы.

В 1984 в Нью-Йорке вышел большой сб. Б. **«Стихи. 1921–1983»**, подытоживающий ее поэтическое творчество за несколько десятков лет и ставший одновременно не только итоговой, но и ее первой поэтической книгой, ибо до этого стихи Б. отд. книгами не издавались. В первые два раздела сб. вошли стих., ранее появлявшиеся лишь в различных периодических изд.; стихи 3-го раздела были опубликованы впервые. «Три раздела книги Берберовой — это три этапа лирического самопознания яркой, независимой и вместе с тем чуткой к ходу времени личности», — указал в книге автор послесловия А. Сумеркин.

Последним крупным соч. Б. стала книга-исследование о масонах **«Люди и ложи»**. «Мой интерес к русскому масонству, — написала в предисл. Б., — начался в тот день, когда началось мое личное знакомство с русскими масонами, не потому, что это были исключительные люди, а потому, что они были людьми исключительного времени и играли в нем исключительную роль».

В 1989 Б. впервые после отъезда в 1922 побывала в России. А вслед за ее приездом на родину пришли и многие ее книги, широко издающиеся в России в последние годы.

Соч.: Люди и ложи. М., 1990; Железная женщина. М., 1991; Повести. М., 1992; Чайковский. СПб., 1993; Рассказы в изгнании. М., 1994; Курсив мой. М., 1996; Избранное. Чертова кукла: роман, повести и рассказы. М., 1997; Биянкурские праздники. Рассказы в изгнании. М., 1997; Неизвестная Берберова: Роман. Стихи. Статьи. СПб., 1998.

Лит.: Витковский Е. Почерк Петрарки // Берберова Н. Курсив мой. М., 1996; Медведев Ф. «Кристалльным» пером о «железной женщине» // Берберова Н. Железная женщина. М., 1991.

В. В. Попов

БЕРГГОЛЬЦ Ольга Федоровна [3(16).5.1910, Петербург — 13.11.1975, Ленинград; похоронена на Литераторских мостках Волкова кладбища] — поэт, прозаик.

Отец — потомок обрусевшего шведа, взятого в плен при Петре I, был заводским врачом, мать — учительница кройки и шитья при заводской школе. Детство прошло за Невской заставой, населенной заводским людом. Писать стихи начала рано. Первое стих. «Пионерам» появилось в газ. «Ленинские искры» 27 сент. 1925. С этого времени она постоянно печаталась в детских и молодежных изд.— «Ленинские искры», «Смена», «Юный пролетарий», «Комсомольская правда» и др. В 16 лет вступила в группу «Смена», которой руководил И. Садофьев, затем В. Саянов. Член группы Б. Корнилов стал ее мужем. В знаменитой песне Б. Корнилова из

О. Ф. Берггольц

кинофильма «Встречный» («Вставай, не спи, кудрявая...»), положенной на музыку Дм. Шостаковичем, одна из строф принадлежит ей. Первые книжки Б., появившиеся в конце 1920 — начале 1930-х, были для детей: «Как Ваня поссорился с баранами» (1929), «Пионерская лагерная» (1931), «Углич» (1932). В повести «Углич» есть приметы ее детства, развернутые впоследствии в «Дневных звездах». В 1930, окончив филол. ф-т ЛГУ, уехала на журналистскую практику — сначала на Кавказ, затем в Казахстан. О многом из того периода жизни она рассказала в своих первых очерковых книгах: в «Глубинке» (1932), повести «Журналисты», «Зерна» (1935), рассказе «Ночь в „Новом мире“» (1935), «Пимокаты с Алтайских» (1934). По ее словам, она многим обязана своим учителям — М. Горькому, С. Маршаку, Н. Тихонову, К. Чуковскому. Многим она была обязана и своему второму мужу — Н. Молчанову, литературоведу. В 1938 у нее умерли обе маленькие дочери, а в конце того же года она была арестована.

Она провела в тюрьме около 7 месяцев. В тюрьму попала беременной, но от избиений на допросах родила мертвого ребенка. Тюрьма, тяжелое общенародное горе, которое в это время запечатлевалось в «Реквиеме» А. Ахматовой, многое ей открыли. Когда-то, чуть не в детстве, она написала «Каминную дудку» — необъяснимо пророческое стих. о своей судьбе. В ней говорится, что сначала дудка была глиной, которую везли в телеге, потом ее обжигали в огненной печи, и, пройдя через огонь, она стала звонкой. Б. рассказывала один из эпизодов своих тюремных страданий — как ее везли по тюремному двору на телеге в больницу и как потом, едва оправившись, она пела вместе с сокамерницами антифашистские песни. У нее был высокий чистый голос — голос каменной дудки.

Муза Б.— Мельпомена, дочь Зевса и Мнемозины, музы Памяти. В одной руке она держит трагическую маску, в другой — меч. Пройдя через тюрьму и вглядываясь в близкую войну, Б. в конце 1930-х ощутила в своей душе все три ипостаси Мельпомены; трагическая маска уже вплотную приблизилась к ней, память вобрала в себя и настоящее и будущее («Большое Время»), слово изострилось, предчувствуя битву.

Но у нее была и русская эмблематика, найденная, как ни странно, тоже в юности, казалась бы, солнечной и счастливой: «Полынь, полынь, моя трава, / На всех путях лежит...» («Носжала рот упрямо я...»). Полынь в стихах Б.